

Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы большего объема.
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

Новый век России
Оккультные и эзотерические измерения

Impressum

Новый век России
Оккультные и эзотерические измерения

под редакцией

Биргит Менцель,

Майкл Хагемайстер и Бернис Глатцер

Розенталь

Содержание

Благодарности
Примечание по
транслитерации

I. Введение

Биргит Менцель

II. Дореволюционные корни и ранние советские проявления

1. Оккультизм и популярные развлечения в позднеимперской России
Юлия Маннерц
2. История эзотерики в Советской России в 1920-1930-е годы
Константин Бурмистров
3. Оккультист Александр Барченко и советская тайная полиция (1923-1938)
Олег Шишкин
4. От синархии к Шамбале: роль политического оккультизма и социального мессианизма в деятельности Николая Рериха *Маркус Остерридер*
5. Константин Циолковский и оккультные корни советских космических путешествий
Михаэль Хагемайстер

III. Манифестации в советский период (1930-1985)

6. Оккультные и эзотерические движения в России с 1960-х по 1980-е годы
Биргит Менцель
7. Вдали от земного шара. Оккультизм, эзотерика и литература в России в 1960-1980-е годы

Леонид Геллер

8. Гости из космоса. Оккультные аспекты советской научной фантастики
Маттиас Шварц

9. Тоталитарная утопия, оккультизм и технологическая современность в России: Интеллектуальный опыт космизма
Марлен Ларюэль

IV. Оккультное возрождение в поздней и постсоветской России (с 1985 года по настоящее время)

10. Оккультные и эзотерические доктрины после краха коммунизма
Демьян Беляев
11. Оккультная диссидентская культура: Случай Александра Дугина
Марк Седжвик
12. *Родноверческое* движение: Поиск дохристианской родословной и оккультизм
Марлен Ларюэль
13. Сквозь призму оккультизма: Большеви́стская революция в трех постсоветских романах
Марина Аптекман
14. Шаманизм в русской интеллигенции (постсоветское пространство и время)
Наталья Жуковская
15. Конкурирующие наследия, конкурирующие видения России: Рериховское движение (движения) в постсоветской России
Джон МакКэннон
16. На пути от пограничных конфликтов: Трансперсональная психология в России
Борис Фаликов

V. Сравнительные аспекты, преемственность и изменения

17. Оккультизм как реакция на духовный кризис
Бернис Глатцер Розенталь
18. О чтении русской мистической литературы вверх ногами
Джеффри Дж. Кристал

VI. Избранная библиография

VII. О соавторах

Гости из космоса.

Оккультные аспекты советской научной фантастики

Маттиас Шварц

Многие вещи в нашей науке и технике являются секретными, существует множество запретных тем (...). Значит ли это, что мы не должны показывать людям то, что находится на пределе секретности? Нет, в каждом вопросе, даже в самом сложном, мы можем найти правильный путь, чтобы читатель почувствовал, как решается задача, можем избежать вульгаризации, показать, как рождается идея. Идея никогда не может быть тайной, даже если результат идеи держится в секрете". (Борис Ляпунов, 1951) ¹

Введение

Хотя тема моей статьи долгое время оставалась без внимания в области культурологии, научная фантастика (НФ), или, как ее называют порусски, научная фантастика (*научная фантастика*), имеет фундаментальное значение для становления оккультной мысли в советской и постсоветской России: Именно этот жанр был одной из немногих областей в сталинский период и после него, в которых можно было сформулировать оккультные мысли и практики, отличающиеся от официальной партийной идеологии. ²Этому удивительному явлению способствовали два обстоятель-

---

1 Борис Ляпунов на дискуссии о SF в Союзе писателей в апреле 1951 года, см. Российский архив литературы и искусства (Москва, аббревиатура РГАЛИ), ф. 631, оп. 22, ед. хр. 41, л. 41; Статья по большей части основана на результатах исследования моей диссертации, см. Matthias Schwartz, *Ex- peditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Wissenschaftliche Fantastik* (Berlin, 2010); Я благодарю Диану Ауриш за шлифовку моего английского.

2 Термин "оккультизм" я использую в том смысле, в котором его определили редакторы, см. введение к этому тому; общий обзор советской научной фантастики см. Дарко Сувин, "Значимые темы в критике советской научной фантастики до 1965 года, с избранной библиографией", *Экстраполяция* 11:2 (1970), 44-52; он же, "Утопическая традиция русской научной фантастики", *The Modern Language Review* 66:1 (1971), 139-159; Борис

Ляпунов, *В мире фантастики. Обзор научно-фантастической и фантастической литературы* (Москва, 1975); Джон Глэд, *Экстраполяции из антиутопии. Критическое исследование советской научной фантастики* (Принстон, 1982); Леонид Геллер, *Вселенная за пределы собаки. Размышления о советской фантастике*, (Лондон, 1985); Patrick L McGuire, *Red Stars. Политические аспекты советской научной фантастики* (Анн Арбор, 1985); Рафаил Нудельман, "Советская научная фантастика и идеология советского общества", *Исследования научной фантастики*.

позиции. С одной стороны, после Первого съезда советских писателей в 1934 году СФ был отнесен к сфере детской и научно-популярной литературы, что означало меньшее идеологическое давление, чем в сфере "серьезной" литературы для взрослых. С другой стороны, акцент на "фантастических" возможностях научного прогресса предопределил жанр к пересечению спекулятивных границ, открытых для паранаучных и оккультных мыслей и моделей мира.

Одним из самых заметных, если не самым главным, "медиумом" оккультных систем верований в сталинский период было вымышленное взаимодействие с внеземными формами жизни и энергиями, которые обсуждались под ярлыком "Гости из космоса" с начала 1950-х годов. В так называемый период оттепели при правлении Никиты Хрущева тема близкого знакомства с космосом, связанная с первыми спутниками и полетом Гагарина в космос, стала центральной темой советской СФ. Но на SF влияли и другие факторы, например, популярное знакомство с местными культурами из недавно деколонизированного третьего мира. Таким образом, СФ представлял собой чрезвычайно популярный жанр, который до конца существования Советского Союза как строго материалистического и атеистического государства предлагал оккультные системы верований и мысли в фантастической отчужденной форме.³ Эти истории функционировали в некотором смысле, как выразился цитированный выше популярный критик и популяризатор науки Борис Ляпунов в 1951 году во время внутренней дискуссии о научной политике: Даже если оккультные мысли были запрещены в целом, авторы SF всегда находили "правильный способ, чтобы читатель мог почувствовать, как решается задача".

Коммунистические пинкертонь: Антиоккультная направленность научно-приключенческой литературы 1920-х годов

Ранний советский мейнстрим SF, полный саспенса, экшена и развлечений, был далек от оккультных систем верований.⁴ Напротив, всевозможные религиозные или паранаучные модели высмеивались и вульгаризировались. Эта тенденция имела длительный

---

16 (1989), 38-66; Richard Stites, "World Outlook and Inner Fears in Soviet Science Fiction," *Science and the Soviet Social Order*, ed. Лорен Р. Грэм (Кембридж, Массачусетс, Лондон, 1990), 299-324; Всеволод Ревич, *Перекресток утопий. Судебная фантастика на фоне судеб стран* (Москва, 1998).

3 О проблематичных последствиях такого "аллегорического" прочтения см. Элана

Гомель, "Поэтика цензуры. Аллегория как форма и идеология в романах Аркадия и Бориса Стругацких", *Исследования научной фантастики* 22 (1995), 87-105.

4 "Элитарное", литературное принятие научных инноваций и тем в литературе конца века, однако, часто имело дело с духовными, магическими и религиозными последствиями и прочтениями технического прогресса, см. Аниндита Банерджи, *Генезис и эволюция научной фантастики в России конца века, 1880-1921* (Дисс., Лос-Анджелес, 2000).

традиции, начиная с появления в России в последней трети XIXth века популярной коммерческой приключенческой литературы. Эти истории существенно формировали представления российских грамотных городских масс об опасностях и вызовах современного мира.⁵ При этом они стремились не столько запугать и ошеломить читателя, сколько, как показал Джеффри Брукс, приобщить его к вызовам нового времени.⁶ Эта литература достигла своего зенита в годы после победоносной революции 1905 года и вошла в историю культуры под термином "пинкертоновская" литература благодаря широко известной полемике выдающегося литературного критика Корнея Чуковского, который выступал против нее как против дрянной, низкопробной литературы.⁷

После цезуры войны, революции и гражданской войны приключенческая литература пережила второй расцвет в 1920-е годы во времена новой экономической политики, когда журналы, брошюры, книжные серии и издательства, специализирующиеся на этом жанре, сделали его самым популярным материалом для чтения в ранний советский период.⁸ Впервые озвученная в 1922 году задача Николая Бухарина по созданию "коммунистического Пинкертона" стала новаторской для нового идеологического направления.⁹ Всемирный экспорт революций, а также глобальных мировых войн или

---

5 Согласно сегодняшнему пониманию, сюда входили как исторические рыцарские истории, романтические готические романы, криминальные романы, колониальные приключения в джунглях и на море, так и "необыкновенные путешествия", связанные с технологиями и наукой. См. Jeffrey Brooks, *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861-1917*, (Princeton, NJ), 1988); Stephen Lovell, "Literature and Entertainment in Russia. Краткая история", "Чтение для развлечения в современной России. Постсоветская популярная литература в исторической перспективе, под ред. Stephen Lovell and Birgit Menzel (Munich, 2005), 11-28; о современных коммерческих приключенческих романах в целом см. Richard Phillips, *Mapping Men and Empire. A Geography of Adventure* (London, New York, 1997).

6 Брукс, *Когда Россия научилась читать*, 246-268.

7 Корней Чуковский, "Наг Пинкертона и современная литература" (1910), *Собрание сочинений в 15 томах. Литературная критика 1908-1915*, том 7 (Москва, 2003), 25-62.

8 Николай Рыбников, ред., *Массовый читатель и книга* (Москва, 1925); Евгений Добренко, *Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы* (Санкт-Петербург, 1997); Мария Черняк, *Феномен массовой литературы XX века* (Санкт-Петербург, 2005), 76-128.

9 См. Николай Бухарин, "Коммунистическое гостеприимство молодежи в службах НЭПа (5-й Всерос. съезд Р.К.С.М. Доклад т. Бухарина. Utrennee zasedanie 13-go oktiabria)," *Pravda* 232 (14.10.1922), 2; Все исследователи до сих пор датировали речь Бухарина годом позже, следуя представлению Мариетты Шагинян, что она впервые прочитала о претензии Бухарина на "красного Пинкертона" осенью 1923 года, см. Мариетта Шагинян, "Kak ia pisala 'Mess-Mend' (1926)," *Sobranie sochinenii 1905-1933*, vol. 3 (Москва, 1935), 375-382; Роберт Рассел, "Красный пинкертонизм. Аспект советской литературы 1920-х годов", *Slavonic and East European Review* 3:60 (1982), 406-418; Carol Avins, *Border Crossings. Zanaad*

Вышедшие из-под контроля лабораторные эксперименты послужили материалом для рассказов. Огромное количество материалов также было посвящено интеллектуальной моде творческого и научного авангарда в Москве и Петрограде.¹⁰ Они взялись за дело осуществления политической революции в искусстве и науке, которая сбросила балласт анахроничной буржуазной концепции науки и культуры в пользу революции знаний.¹¹ Их "революционные мечты"¹² отвергали все устоявшиеся нормы и принципы, но в то же время предвосхищали различные "оккультные" и околонуточные концепции интеллигенции, связанные с такими именами, как Алексей Гастев и Александр Богданов, Владимир Бехтерев и Бернард Кажинский, Николай Федоров и Константин Циолковский.¹³

Коммунистические пинкертонь" брали их идеи в качестве материала, чтобы парировать и обличать возможные последствия в драматических сюжетах. Таким образом, фантастическая приключенческая литература 1920-х годов служила не столько популяризатором этих оккультных идей, сколько игривой и часто сатирической адаптацией и таблоидизацией этих интеллектуальных гипертрофий. Наиболее известной из этих авторов является Мариэтта Шагинян, которая (под псевдонимом Джим Доллар) в первой части своей трилогии "Месс-Менд, или Необыкновенные приключения янки в Петрограде" пародирует, среди прочего, биологические и психологические концепции, связанные с дегенерацией и массовым внушением, а также гастевистскую концепцию труда.¹⁴ Но Шагинян, как автор, пришедший из

10 Schwartz, *Expeditionen in andere Welten*, 172-221.

11 Джон Э. Боулт, Ольга Матич, редакторы, *Лаборатория грез. Русский авангард и культурный эксперимент* (Стэнфорд, 1990); Дэниел Бир, "Чертежи перемен. The Human Sciences and the Coercive Transformation of Deviants in Russia, 1890-1930," *Osiris* 22 (2007), 26-47; Yvonne Howell, "Eugenics, Rejuvenation, and Bulgakov's Journey into the Heart of Dogness," *Slavic Review* 65 (2006), 544-562.

12 См. Ричард Стайтс, *Революционные мечты. Утопическое видение и экспериментальная жизнь в русской революции* (Нью-Йорк, Оксфорд, 1989).

13 См. главу Михаэля Хагемайстера в этом томе; idem "'Unser Körper muss unser Werk sein.' Beherrschung der Natur und Überwindung des Todes in russischen Projekten des frühen 20. Jahrhunderts," In: Boris Groys and Michael Hagemeyer, eds., *Die Neue Menschheit. Biopolitische Utopien in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts* (Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2005), 19-67; Matthias Schwartz, Wladimir Velminski, Torben Philipp, eds., *Laien, Lektüren, Laboratorien. Künste und Wissenschaften in Russland 1860-1960* (Frankfurt a.M., 2008).

14 Мариэтта Шагинян [Джим Доллар], "Месс-Менд. Роман-трилогия. Части I. Янки в Петрограде", *Собрание сочинений 1905-1933*, т. 3 (Москва 1935), 105-374. О романе см. Ан-Тони Ванчу, "Технология как эзотерическая космология в ранней советской литературе", In: Bernice G. Rosenthal, ed., *The Occult in Russian and Soviet Culture* (Ithaca, London: Cornell University Press, 1997), 203-222, здесь 212-221; Muireann Maguire, *Soviet Gothic-Fantastic. Исследование готических и сверхъестественных тем в ранней советской литературе* (Diss., Cambridge, 2008), 61-65. Однако замысел этого романа

"серьезная" высокая культура, была скорее исключением; на рынке доминировали такие авторы, как Михаил Гирели, Виктор Гончаров или Владимир Орловский, в основном забытые сегодня. Властолюбивые злодеи их историй, действие которых происходит в современной России или в капиталистических зарубежных странах, способны с помощью техник индийской йоги читать мысли других людей и телепатически манипулировать ими, высасывать "психическую энергию" людей с помощью специальных "психомашин" или использовать солнечную энергию, аккумулированную в гигантских пирамидоподобных структурах, называемых "машинами ужаса", для развязывания массовых эпидемий среди паникующих масс.¹⁵

Роман Михаила Гирелиса (псевд. Михаила Осиповича Пергамента) "*Преступление профессора Звездочетова*" (*Prestuplenie professora Zvezdochetova*, 1926), например, происходит в типичном для жанра месте - частной провинциальной медицинской лаборатории, где пародия на "космистические" представления о психике доведена до буквально абсурдного предела.¹⁶ С помощью индийских практик йоги, а также оптических и химико-физических аппаратов профессор "астрологии" (в переводе на русский "*звездочет*" означает "астролог") пытается исследовать "космическую энергию" человеческого начала. Для этого он сначала психически проникает в душу своей ассистентки, а затем жены, что доставляет ему сильное эротически закодированное наслаждение, но не приводит к тайному знанию или просветлению. Напротив, обе женщины умирают в результате его экспериментов, и по этой причине в конце истории профессор оказывается перед прокурором, обвиненный в двойном убийстве.¹⁷

Это "таблоидное" отношение популярной приключенческой литературы к оккультным и научным практикам и моделям объяснения мира не менялось практически до 1928 года, когда эта литература стала объектом массивной критики в результате "Великого переворота". Она подверглась резкой критике как несерьезная развлекательная литература и контрреволюционная контрабанда. В полемике

в той мере, в какой они работали с полностью переработанной версией 1956 года, где Шагинян не только изменила имена и некоторые сюжетные линии в более "социалистическом реалистическом" стиле, но и общую концепцию романа, которая теперь в основном направлена против манипулятивной капиталистической и империалистической системы. О последнем аспекте см. Авинс, *Пересечение границ*, 55-60.

15 См. Виктор Гончаров, *Псих-машина. Фантастический роман* (Москва 1924); Владимир Орловский, *Машина удача. Научно-фантастическая повесть* (1925) (Ленинград, 1927). Интерпретацию этих романов см. в Schwartz, *Expeditionen in andere Welten*, 191-204.

16 Михаил Гирели, *Преподавание профессора Звездочетова* (Москва, 1926).

6 Маттиас Шварц

17 Там же. Гирели также продолжил эту идею психоэнергетического чтения мыслей в своем втором романе "*Эозун. Заря жизни*" (*Эозун. Заря жизни*) (Ленинград, 1929); о биографии Гирели см. Игорь Чалимбаджа, "Гирели Михаил Осипович", *Enciklopediia fantastiki. Кто есть кто*, ред. Владимир Гаков (Минск, 1995), 167.

против жанра, в центре дебатов оказался до сих пор едва отраженный и лишь изредка используемый термин "научно-фантастический". Защитники хотели с помощью этого термина хотя бы частично спасти жанр, представив его как литературу индустриального развития и научного прогресса. Но все эти попытки спасти жанр провалились, и основные журналы и издательства были закрыты к 1932 году. На Первом съезде советских писателей этот термин играл лишь незначительную роль.¹⁸

Некробиотические лучи и чудо-генераторы: Оккультные истоки сталинской научной фантастики

Накануне Первого съезда советских писателей в 1934 году, когда обсуждалась новая концепция советской литературы, центральное место занимало переформулирование приключенческой и научно-популярной литературы. При этом изначально все формы приключенческой литературы и НФ уже были отвергнуты. Однако такой подход не нашел поддержки среди авторов, издательств и читателей, так что уже в середине 1930-х годов "научная фантастика" была разрешена в рамках детской и юношеской литературы.¹⁹ Таким образом, жанр оказался в странном промежуточном положении. С одной стороны, с точки зрения социалистического реализма он должен был популяризировать будущие социальные и особенно научные достижения в духе социалистическихстроек, а с другой стороны, ожидалось, что он будет предвосхищать будущие события с точки зрения определения мифа и фольклора, данного Максимом Горьким. В своей новаторской речи на съезде писателей Горький подтвердил, что в своих старинных мифах и фольклоре простые люди использовали фантастические предметы, такие как летающие ковры или сапоги-скороходы, для формулирования технических желаний, которые должны были улучшить их жалкое существование.²⁰

Именно эти кажущиеся фантастическими "приключения изобретений", как писал в своей книге, которая только в 1930-е годы выходила трижды, инфлюенциальный критик и популяризатор науки Александр Ивич, следует взять за образец, чтобы предвидеть качественные скачки в развитии науки, которые кажутся невозможными по современным представлениям.²¹ По его словам, это

- 6 Маттиас Шварц
21 Александр Ивич, *Приключение изобретенного* (Издание второе, переработанное, Москва, 1935).

---

18 Подробную реконструкцию этих дебатов см. в Schwartz, *Expeditionen in andere Welten*, 235- 251.

19 Там же, 323-331.

20 Максим Горький, "Доклад А. М. Горького о советской литературе", *Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 года. Стенографический отчет* (Москва, 1934), 5-18.

казалось бы, неизменные законы природы, которые, по утверждению буржуазной науки, были даны Богом, должны быть поставлены под сомнение. Именно такой скептицизм по отношению к устоявшимся знаниям стал пропуском для оккультных объяснений, утверждавших существование тайных сил, которые люди могут вырвать у природы.²²

В 1930-е годы подобные "научно-фантастические" беллетристические "приключения изобретений" в России особенно сосредоточились в области физики.²³ Так, в 1939 и 1940 годах Юрий Долгушин, ставший впоследствии решительным сторонником лысенкоизма, опубликовал свой первый "научно-фантастический роман" *"Генератор чудес"* (*Генератор чуда*) частями в научно-популярном журнале *"Техника - молодежи"*.²⁴ В романе биология и физика оказываются в центре внимания как модели для объяснения человеческого мозга и жизни. Их представляют двое ученых - молодой радиоинженер Николай Тунгусов, который проводит физические эксперименты с электромагнитными волнами в своей частной лаборатории, и знаменитый физиолог и хирург профессор Ридан, который исследует электромагнитные манипуляции с мозгом на своей частной вилле в Москве.

Во время случайной встречи два ученых обнаруживают, что их направления поиска дополняют друг друга. Таким образом, они начинают строить так называемый Генератор чудес. Во время этой работы они описываются как типичные "сумасшедшие ученые" 18th и 19th веков, которые удаляются от общественной жизни и полностью посвящают себя своим частным навязчивым идеям.²⁵ Так, Тунгусов, который живет один дома без родителей, жены и детей, только с теткой, является

22 Там же. Таким образом, революционные успехи в области естественных наук, такие как провозглашенный Лысенко творческий дарвинизм в области биологии в послевоенный период, часто моделировались как вымышленные интеллектуальные игры в рамках "Научной фантастики" уже в 1930-е годы. О советском послевоенном периоде см. Игорь Я. Полянский, "Das Unbehagen der Natur. Sowjetische Populärwissenschaft als semiotische Lektüre," *Laien, Lektüren, Laboratorien*, 71-113.

23 Петр Капица, "О научной фантастике", *Детская литература* 4 (1940), 18-23.

24 Препринты появились еще в 1938 году, в 1941 году Долгушин дополнительно написал радиовersion романа. См. Юрий Долгушин, "Генератор чуда. Научно-фантастический роман", *Техника - молодежи* 1 (1939), 34-40; 2, 40-47; 3, 53-59; 5, 45-51; 6, 49-54; 7-8, 58-65; 9, 33-38; 10-11, 59-67; 1 (1940), 36-42; 2-3, 61-66; 4, 46-52; 5, 50-57; 7, 50-56; 10, 50-58; 11, 43-50; 12, 2 обложка, 51-58; idem: *Генератор чуда (Радиоконпозиция в двух часах для детей старшего школьного возраста)* (Москва, 1941). О биографии Долгушиных см. Геннадий Праш-кевич, "Красный свет". *История русской фантастики от В. Ф. Одоевского до Бориса Штерна* (Новосибирск, 2007), 353-361.

25 По этой теме см. Барбара Бенедикт, "Безумный ученый. Создание литературного стереотипа", *Imagining the Sciences. Выражение новых знаний в "длинном" восемнадцатом веке*,

нисколько не интересуется трудом на заводе, в то время как дома по ночам совершает "священные деяния" своих исследований.²⁶

Профессор Ридан, который живет один на большой вилле со своей дочерью, - такой же странный одиночка. Оба ученых, охраняемые НКВД, подвергаемые угрозам немецких шпионов и любопытных соперников, полностью отдаются своему "священнодействию":

Профессор исчезает в темном коридоре. Рабочий кабинет Тунгусова встречает его большим кругом света, сконцентрированным на "Генераторе чудес" по шкале Викалинга, который стоит посреди комнаты [...] Ридан надежно запирает за собой дверь. [...] Уже светало, когда оба вышли из комнаты, совершенно лишенные сил от переизбытка впечатлений и усталости.²⁷

Читатель не знает, какие эксперименты они проводят каждую ночь за закрытыми дверями. В результате создается "Генератор чудес", который с помощью специальных приемно-передающих устройств может не только принимать и манипулировать телепатическими сигналами человеческого мозга на больших расстояниях, но и с помощью "лучей жизни" исцелять болезни и возвращать к жизни мертвых.²⁸ Таким образом, роман Долгушина действительно представляет собой криптограмму реальных исследований, связанных с электромагнитными волнами мозга и биофизическими экспериментами по оживлению замороженных существ. После смерти Бехтерева в 1927 году исследования феномена электромагнитных мозговых волн продолжались в различных учреждениях Советского Союза.²⁹

под ред. Robert C. Leitz, Kevin L. Cope (New York, 2004), 59-107.

- 26 "Все эти работы он оценивал как незначительные, а слово "изобретение" вызывало у него лишь раздражение. Настоящее дело начиналось для него только дома, вечером, когда он чувствовал себя совершенно свободным. Здесь начиналось его священнодействие". Долгушин, "Генератор чуди", *Техника - молодежи* 6 (1939), 49.
- 27 Там же, 5 (1940), 57.
- 28 Долгушин: Генератор чуди, *Техника - молодежи* 5 (1940), 55-57; 11 (1940), 49.
- 29 Что касается описания научно-исследовательских учреждений, то в романе в основном упоминается Ленинградский институт мозга имени Бехтерева, где Леонид Васильев (1891-1966) продолжал работу над "мысленным внушением" (телепатией) с 1932 по 1937 год. Без какого-либо официального научного обмена Сергей Турлыгин одновременно исследовал электромагнитные лучи мозга в лаборатории биофизики Академии наук СССР под руководством Петра Лазарева (1878-1942). См. Леонид Васильев, *Внушение на расстоянии. Заметки по физиологии* (Москва, 1962); Михаил Агурский, "Оккультный источник социалистического реализма. Горький и теория переноса мыслей", Ин: Rosenthal, ed., *The Occult*, 247-272, здесь 258. Эта тема также регулярно появлялась в основных научных журналах, включая публикации самого Долгушина. См. Юрий Долгушин, "Лучи профессора Гурвича", *Знание - сила* 10-11 (1939), 21-24.

В отличие от "коммунистических пинкертонов" 1920-х годов, фиктивное принятие идей телепатии и реанимации мертвых уже не рассматривается просто как средство развлечения и увлечения читателей, но придает им ауру мифически-сакрального знания, раскрывающего более глубокое понимание человека. Так, "дневные грезы" профессора Ридана захватывают не возможности "лучей жизни" (*мехти*),³⁰ а специфические "некробиотические лучи". Они посылаются мозгом умирающего и передают телепатические внушения мозгу родственников, находящихся за тысячи километров: "Открытие некробиотических лучей приближает нас к пониманию одного из самых "секретных" фактов [...]. Я имею в виду случай смерти, которая может "ощущаться" на расстоянии тысяч километров и вызывает галлюцинации у людей, находящихся рядом с умирающим".³¹ Если "сигналы смерти" (*signaly smerti*), посылаемые близкими людьми, человек воспринимает осознанно, так как они обусловлены павловским рефлексом, то сигналы, посылаемые неизвестными людьми, могут влиять на человека в виде панических атак, нервных срывов или просто неприятных ощущений, причем человек не осознает этого.³²

Таким образом, "самые секретные" факты о будущих научных разработках также представляли собой своего рода скрытые, цензурированные и запрещенные во многих отношениях знания о советском настоящем во время "Большого террора" конца 30-х годов. Некро-биотические лучи умерших друзей и родственников, вызывающие приступы паники, нервные срывы и чувство дискомфорта, явно указывают на время, в которое создавался роман. Аналогичным образом, тема государственного наблюдения и манипулирования людьми через СМИ не затрагивается напрямую, но эксперименты профессора Ридана, направленные на полный контроль всех мыслей, явно указывают на это направление. Таким образом, "оккультное" знание научно-фантастических историй сталинского периода приобретает весьма амбивалентное значение. На аллегорическом уровне эти знания указывают на запретные стороны сталинского общества и, в своих видениях будущего, одновременно предлагают воображаемый выход из угрозы смерти и состояния страха настоящего через исцеление психических ран, обещанное воскрешением преждевременно умерших родственников и друзей. Хотя этот политический подтекст можно найти в произведениях других авторов того времени, таких как Александр Беляев или Григорий Гребнев, два автора, Иван Ефремов и Александр Казанцев, в 1940-х годах разработали явно оккультную поэтику.³³

33 Александр Беляев написал несколько романов в этом смысле, например, роман 1933 года "Прыжок в

---

30 Ibid. 5 (1940), 50.

31 Там же, 57.

32 Там же.

От Тунгусского события до атомной бомбы: Встречи с инопланетянами в послевоенный период

Если в довоенный период научная фантастика нашла нишу для оккультных моделей мышления в области детской литературы, то в результате ослабления цензуры во время войны она стала чаще обсуждаться и в общесоюзной прессе, такой как *"Комсомольская правда"* или *"Литературная газета"*. Одной из реакций на это стало то, что некоторые отделения Союза писателей стали получать рукописи в так называемом *"самотеке"* (*samotek*), которые затем пересылались в главный офис Союза писателей в Москве. Одна из таких рукописей была отправлена из Кыргызского отделения Союза писателей в 1946 году с просьбой о рецензировании, так как на месте не было специалиста, знакомого с научно-фантастической литературой.³⁴ Текст был рассмотрен только после неоднократных просьб из Кыргызстана и осенью того же года передан члену ассоциации Александру Казанцеву. Однако он воспротивился принятию фантастического романа *"Проблемы мира"* к публикации.³⁵

Роман *"Проблемы мира"* повествует о доисторической цивилизации 35 000 лет назад, члены которой живут под землей, защищаясь от диких животных, и которая служит моделью для современного общества. Однако, согласно рецензии Казанцева, роман и описываемый в нем общественный строй, в котором социалистические идеи сочетаются с христианством, разделением полов, эвтаназией больных детей, почитанием предков и коллективным советом старейшин, представляют собой идеологически опасную смесь, кроме того, произведение отличается низким литературным качеством и изобилует клише.³⁶

Автор романа Трофим Лукьянович Антонов, "старый инженер" из Фрунзе, не принял этот отказ, вполне понятный в контексте советской литературной политики, и написал длинное письмо "патрону оборонных писателей", маршалу Клименту Ворошилову, с просьбой о его

Пустота", посвященный советскому ракетчику и ученику Циолковского Фридриху Цандеру (1887-1933), *"Лаборатория У"* (*Laboratoria Dubl'vé*, 1938) о психоневрологических экспериментах по расширению сознания или *"Ариэль"* (*Ariël'*, 1941). В 1937 году Гребнев впервые опубликовал фантастический роман *"Арктания. Летящая станция"* (*Arktaniia. Letaiushchaia stantsiia*) о коммунистическом будущем, где воскрешение мертвых и неживых фашистов играет решающую роль. Schwartz, *Expeditionen in andere Welten*, 346-352, 392-395.

³⁴ См. переписку и критику Казанцева на роман Т.Л. Антонова *"Проблемы свободы 1946-1947"*, РГАЛИ, ф. 631, оп. 22, ед. хр. 11, лл. 1-11.

³⁵ Там же, л. 2, 10-11.

³⁶ Там же, лл. 10-11.

помощь.³⁷ По мнению Антонова, реабилитация Христа как "великого гуманиста" в романе была очень актуальной, поскольку послание Христа было фальсифицировано государственной церковью лишь позднее. Антонов утверждал, что Христос боролся против римской олигархии и первым выступил за "царство счастья на земле", к которому сегодня "железной рукой ведет человечество великий гуманист И.В. Сталин".³⁸ Он утверждал, что "необразованные критики писательского союза" также не поняли политического послания:

[...] в то время, когда христианская тема, в том виде, в каком она представлена в "Проблемах мира", является для нас, коммунистов, очень важной, я бы даже сказал, выгодной, потому что она наносит удар по лицемерию нашего злейшего врага, христианской касты священников, и обеспечивает нам выгодное положение по сравнению с ним, благодаря тому, что мы разрушаем фундамент лагеря нашего врага.³⁹

Совет Министров СССР, председателем которого был Ворошилов, счел себя обязанным вмешаться в дела Союза писателей от имени автора, потребовав, чтобы Союз переосмыслил отказ от рукописи и связался с автором, чтобы спасти роман путем переработки.⁴⁰

Союз писателей отклонил эту просьбу, но эти события показывают, насколько ненадежным был статус научной фантастики, поскольку эта рукопись отнюдь не была аномалией. Фантастика, похоже, ассоциировалась у многих читателей с арканными, тайными знаниями, которые могли дать человеку объяснения о его собственном обществе, объяснения, выходящие за рамки официальных объявлений и имеющие явно религиозный подтекст.

То, что это восприятие не было просто неправильным приемом советской провинции, нигде не видно так ясно, как на примере рецензента Союза писателей Александра Казанцева (1906-2002). После учебы в Томском политехническом институте Казанцев работал в разных местах механиком и изобретателем, прежде чем начать писать SF в середине 1930-х годов.⁴¹ Одновременно он продолжал активно работать как научный организатор, так в

---

37 Там же, л. 3.

38 Там же, л. 5.

39 Там же, л.

6. 40 Там же, л.

8-9.

41 Однако единственной информацией о его реальной работе в военно-промышленном секторе являются автобиографические фрагменты, которые он сам обозначил как

В 1939 году он работал главным инженером промышленного сектора Советского Павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке.⁴² Во время войны он также занимал руководящие должности в оборонном и промышленном секторе и дослужился до звания полковника, а после войны официально полностью посвятил себя литературной деятельности. В Союзе писателей он стал рецензентом, ответственным за SF в секции *научно-художественной литературы (научно-художественная литература)*.⁴³ Он играл центральную роль в литературной политике на различных должностях в Союзе и за его пределами в 1970-е годы, где, будучи сторонником "сталинского" определения жанра, особенно благодаря своим хорошим связям вплоть до Политбюро КПСС, он превратился в одного из самых заметных оппонентов известных советских авторов SF, братьев Аркадия и Бориса Стругацких.⁴⁴

Его первой работой был сценарий "Аренида", написанный совместно с изобретателем и директором Ленинградского Дома ученых Израэлем Шапиро, который получил первую премию за лучший сценарий в жанре фантастики на всесоюзном конкурсе, организованном Домами ученых Ленинграда и Москвы и киностудией "Межрабпомфильм" в феврале 1936 года. Действие "Арениды" происходит в 1940 году и повествует о гигантском метеорите "Аренида".

принимается с долей соли. Александр Казанцев и Никита Казанцев, *Фантаст. Мнемонический роман в двух книгах*, т. 1 (Москва, 2001), 264-269.

42 Бритиков, *Русский советский научно-фантастический роман*, 156.

43 Термин "научно-фантастическая" был сформирован Горьким в начале 1930-х годов и стал спорной категорией по аналогии с термином "научно-фантастическая" проза до начала 1950-х годов. Для биографии Казанцева, как и для довоенного периода, можно полагаться на его собственные заявления, согласно которым он, очевидно, в силу своих инженерных знаний и политической надежности, во время войны привлекался к работе в специальных комиссиях, которые должны были работать за линией фронта по обеспечению секретных оборонных и промышленных проектов немцев для Советского Союза и через которые он, например, занимался немецкой ракетой V-2. После войны в качестве председателя он руководил Комиссией по демонтажу промышленных объектов в оккупированной Австрии, а после расформирования Комиссии вернулся к своим литературным увлечениям, Казанцев: *Фантаст* (т. 1), 427-451.

44 Так, он сыграл важную роль в запрете некоторых произведений Аркадия и Бориса Стругацких. Эрик Саймон, "Стругацкие в политическом контексте", *Исследования научной фантастики* 31 (2004), 378-406, здесь 394-397.

45 Вторую премию получили Казанцев и Шапиро. Первая премия не была присуждена, так как, по мнению жюри, ни один автор не смог удачно совместить научную идею с ее кинореализацией Юрий Федоров, "Фантастика в науке и кино", *Кино* 8 (11.02.1936), 2. На фоне Александр Колпаков, "Второе дыхание (Фантастическая судьба фантастических книг)", *В мире книг* 7 (1985), 54-56.

приближается к Земле и угрожает ее уничтожить.⁴⁶ Пока на Западе царит паника и все готовятся к концу света, что приводит к хаосу, вспышкам насилия и росту преступности, в Советском Союзе царит напряженная рабочая атмосфера, поскольку советские ученые разработали аккумулятор энергии, способный высвободить гигантские объемы энергии. Благодаря этому изобретению советские ученые строят титаническую установку, для чего все заводы и фирмы страны вынуждены остановить свою работу на 19 дней, чтобы позволить установке зарядиться. За три дня до предсказанного столкновения метеорита этот гигантский запас энергии выстреливается в небесное тело из специальных пушек и разрывает его на "сотни частиц, горящих желтым светом", так что конца света удастся избежать: "Невероятно великолепный фейерверк разнесся по небу, как будто кто-то ударил волшебным молотом по Солнцу. Молнии, огненные всполохи и фонтаны озаряют небеса".⁴⁷

Поскольку этот сценарий служил не только для чистой научной пропаганды, но и допускал явно религиозно-апокалиптическое прочтение, он подвергся резкой общественной и внутренней критике. В статье в *"Правде"*, написанной в начале 1938 года, первый секретарь комсомола Александр Косарев (1903-1939) выступил против нескольких "сектантов", пророчествовавших на основе сценария о скором "конце света" от "камня с неба" (*Небесный камень*).⁴⁸ Когда в 1940/41 году Казанцев как единственный автор переработал сценарий в научно-фантастический роман *"Пылающий остров"*, он был вынужден внести существенные изменения в сюжет. Теперь уже не небесное тело, падающее на землю, вызывает панику и хаос на Западе, а магическое оружие, созданное самими капиталистами, способное вызвать "азотный пожар" в атмосфере.⁴⁹ Но даже если оккультный подтекст в этом романе, опубликованном в 1941 году, был в значительной степени устранен, Казанцев продолжал увлекаться этой темой, и когда цензурные правила были ослаблены в результате Второй мировой войны, Казанцев был вынужден отказаться от этой темы.

46 После публикации отрывка в газете Совета народного хозяйства *"За индустриализацию"* этот сценарий был впервые опубликован в полном виде в 1937 году в *"Ленинградской правде"*. А. Казанцев и Израэль Шапиро, *"Аренида (Отрывки из сценария и либретто Фила)"*, *За индустриализацию* 243 (18.10.1936), 4.

47 Там же, 4.

48 Колпаков: "Второе дыхание", 55.

49 Название *Аренида* относится уже не к метеориту, а к острову в Северном Ледовитом море, который полностью уничтожается во время испытания нового оружия империалистическими военными силами. В то время как капиталисты преследуют против большевиков только военные цели, Советскому Союзу благодаря коллективным усилиям удается в последний момент избежать начала войны. А. Казанцев, *Пылающий*

Мировая война, он вновь взялся за свою идею о вземном небесном теле, которое влияет на судьбу человека. На этот раз не земное оружие, излучающее лучи, успешно уничтожает вземного захватчика, а "космические лучи", которые помогают людям обрести новое понимание самих себя.

Не прошло и полугодия после того, как в августе 1945 года на Хиросиму была сброшена первая атомная бомба, как научно-популярный журнал *"Вокруг света"* опубликовал "гипотетический рассказ" Казанцева *"Взрыв"* в качестве обложки январского номера за 1946 год. В⁵⁰ рассказе речь идет о так называемом Тунгусском метеорите, который упал в Тунгусском районе центральной Сибири в 1908 году. Метеорит стал известен в 1920-х годах благодаря публикации в журнале *"Всемирный следопыт"* о советском исследователе метеоритов Леониде Кулике (1883-1942), который тщетно искал место падения метеорита в тайге.⁵¹

Казанцев взял этот до сих пор не найденный метеорит в качестве отправной точки для своего гипотетического рассказа, который дополнительно мистифицировал это событие как экзотическую загадку и оккультное пробуждение. Таким образом, рассказ начинается с детских воспоминаний редактора журнала о путешествии на лодке по одноименной реке через сибирскую тайгу в 1908 году, которое навсегда осталось в его памяти как парарелигиозное переживание.⁵² После этого открытия 3 апреля 1945 года рассказчик навещает этнографа и физика, которые хотят совершить экспедицию именно в этот регион, чтобы доказать свои различные исследовательские гипотезы: Этнограф хочет доказать, что ин- дигенные жители Сибири произошли от "африканских негров", а физик утверждает, что метеорит взорвался незадолго до падения в результате атомной цепной реакции. Только после сброса атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки рассказчик вновь слышит что-то о совершенно "диких" исследователях. Оказывается,⁵³ эвенки, живущие в районе предполагаемого падения метеорита, все умерли от странной болезни. Одинокий

остров. Научно-фантастический роман, (Москва, Ленинград, 1941).

- 50 Александр Казанцев, "Взрыв. Рассказ-гипотеза", *Вокруг света* 1 (1946), 39-46. ^{научной фантастики}
Литературная газета сочла, что их первое публичное чтение заслуживает отдельного отчета. [Анон.]: "Новый рассказ А. Казанцева (В Союзе советских писателей СССР)", *Литературная газета* 50 (08.12.1945), 4.
- 51 Леонид Кулик, *За тунгусским дивом. Место действия* (Красноярск 1927); [Анон], "Следопыт на помосте Л. А. Кулику", *Всемирный следопыт* 10-12 (1928), 782, 868-871, 947. Кулик умер в 1942 году в немецком лагере для военнопленных, также ср. на эту тему Е. Кринов, "Тунгусское диво", *Знание - сила* 8 (1951), 12-14; Ф. Цигель, "Неразгаданная ТАЙНА", *там же*, с. 6 (1959), 40. 6 (1959), 40.
- 52 Казанцев, "Взрыв", 39-41.
- 53 Там же, 43.

выжившая женщина-шаман, полностью темнокожая, одетая только в набедренную повязку.⁵⁴ Когда физик спрашивает ее о советских планах космических путешествий, она внезапно ломается, но, умирая, хочет передать последнее послание исследователям, но уносит свой секрет в могилу. Исследователи лишь слышат ее последние удары сердца, при этом они замечают, что ее сердце расположено не в левой, а в правой части тела.⁵⁵ Так этнограф отказывается от своей гипотезы о том, что коренные жители Сибири пришли из Африки, а физик заканчивает историю выводом: "Не исключено, что взрыв произошел не в урановом метеорите, а в межпланетном корабле, работающем на атомной энергии".⁵⁶

Казанцев соединяет эту тему SF с оккультной концепцией в образе шаманки, которая обладает чудесными целительными способностями и поет "доисторические песни". Шаманка со странной анатомией не только имеет тайную связь с атомными лучами и внеземным существованием, но и встреча с ней является моментом духовного пробуждения для двух исследователей.⁵⁷ Один из исследователей описывает их первую встречу, которая произошла в то же время, когда американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, следующим образом:

Утренняя звезда сияет, окруженная небольшим ореолом, над черной нисходящей линией леса. Шаман и ее спутники стоят посреди болота с поднятыми вверх руками. Затем я услышал глубокий, протяжный звук. Как бы в ответ раздалось далекое эхо леса, повторившее ноту на несколько октав выше. Затем эхо, становясь все громче, продолжило странную, неясную мелодию. Я понял, что там поет она - шаман. Так начался неповторяющийся дуэт голоса и лесного эха, в котором они часто звучали вместе, смешиваясь в непонятной, но волшебной гармонии. Песня закончилась. Я не хотел и не мог двигаться.⁵⁸

Странная, неясная мелодия" буквально околдовывает слушателя, который не больше не может и не хочет двигаться, и помещает его в другой, космический или в

⁵⁴ Так, различные свидетели описывают ее как "непонятного", "чужого" человека по телосложению и характеру. Там же, 40, 44.

⁵⁵ Там же, 45-46.

⁵⁶ Там же, 46. Согласно некоторым апокрифическим писаниям и народным преданиям, которые были распространены и в Восточной Европе, вампиры как реинкарнации антихриста должны иметь сердце с правой стороны (Dextrocardia). Спасибо Полу Хиллери за эту ссылку.

терминологии Мирчи Элиаде - "священное время". В то же время в пейзаже четко обозначена Венера в виде утренней звезды, которая в христианской символике олицетворяет как наполненное светом явление Христа в ночи мира, так и павшего ангела Люцифера. Именно эту амбивалентную интерпретацию передает рассказ Казанцева о взрыве атомной бомбы в Хиросиме в виде взорвавшегося космического корабля - событие, которое, с одной стороны, предвещает эпифаническое явление спасения человечества, а с другой - может быть прочитано как низвержение Сатаны в ад, падение с неба подобно молнии.⁵⁹

Следует отметить, что Казанцев был не первым в сталинское время, кто представил себе связь между атомными лучами и космическими энергиями, которые представляют собой святое время просветленной мудрости. Эта идея восходит к Ивану Ефремову, который рассматривал тему трансцендентных космических эффектов атомной энергии в своих "Рассказах о необычном", написанных во время войны. Ефремов, сын торговца лесом, работал рабочим в доке, моряком и служил в Красной Армии, прежде чем начать успешную карьеру палеонтолога в 1930-х годах.⁶⁰ В 1952 году, будучи известным профессором, он даже получил Сталинскую премию за свои палеонтологические работы. Свои первые рассказы он написал во время войны, будучи эвакуированным в Среднюю Азию из-за продолжительной болезни. Эти рассказы вскоре были опубликованы в армейских журналах "Красноармеец" и "Матрос красного флота", в "Технике - молодежи", а также в главном литературном журнале "Новый мир", а к 1946 году уже шесть раз выходили в виде книг.

Во всех этих рассказах центральную роль играют встречи с неизвестными доселе "фантастическими" тайнами природы, которые позволяют человеку испытать духовное очищение и внутреннее просветление. Эта концепция природы наиболее ярко представлена в рассказе "Обсерватория Нур-и-Дешт" (*Observatoriia Nur-i-Desht*, 1944), в котором внутренний рассказчик повествует о том, как он был послан в качестве раненого солдата на лечение в Среднюю Азию и случайно попадает на археологические раскопки в

⁵⁷ Там же, 42-43.

⁵⁸ Там же, 44.

- 59 Кроме того, у этой истории есть военно-политический подтекст, поскольку она косвенно указывает на абсолютно секретный проект по созданию атомной бомбы в Сибири.
- 60 Биографические подробности см. в: Евгений Брандис и Владимир Дмитревский, *"Чрез горы времени. Очерк творчества И. Ефремова"* (Москва, 1963); [Евгений Брандис], "Жизнь ученого и писателя. Интервью с И. А. Ефремовым (Материалы к творческой биографии И. А. Ефремова)" [1960], *Во-просы литературы* 2 (1978), 187-208; Петр Чудинов, *Иван Антонович Ефремов. 1907-1972* (Москва, 1987); idem, "K portretu sovremennika," *Ivan Antonovich Efremov. Perepiska s uchenymi. Neizdанные труды*, ред. Н.В. Бойко (Москва, 1994), 5-28; Прашкевич, *Красные мозги*, 408-426; самый глубокий и пронизательный анализ прозы Ефремова см. в Heller, *Vselennaia za predelom dogmy*, 317-358.

посреди пустыни, где старый профессор и его молодой ассистент-узбек ведут раскопки древней обсерватории под названием "Свет пустыни" (что по-уйгурски означает "Нур-и-Дешт"). Странные состояния истощения, счастливые вечера с помощником у костра или у близлежащей реки, а также старинная ваза, которая светится по ночам, приводят рассказчика к выводу, что обсерватория должна быть построена из радиоактивного материала, лучи которого оказывают на людей лечебное и эйфорическое воздействие, а также необычайно четкое видение звездного неба: "И вдруг оказалось, что причиной всего этого был радий - и только... То есть, если бы радия не было, [...] чудесного очарования тех дней в древней обсерватории не произошло бы...".⁶¹ Таким образом, радиоактивный "Свет пустыни" не только исцеляет военные раны рассказчика, но и оживляет пустыню его души, так что в конце концов он может "открыться" Тане, молодой ассистентке: "Таня, любовь моя, я сказал - здесь моя душа ожила, и она открылась тебе. Таня встала и побежала ко мне. В ясных глазах девушки отражался пепельно-серый свет звезд. Над нами лебедь, вытянув длинную шею в вечном полете, пронзал легкие облака Млечного Пути".⁶² Здесь радиоактивные лучи изображены не как оружие разрушения, несущее смерть, а наоборот, как сила, очищающая душу. В то же время психические состояния человека изображаются как отражение "пепельно-серых звездных лучей", которые уже содержат в себе все варианты действий.⁶³

Через несколько лет Ефремов сформулировал это космическое влияние радиоактивности, космические лучи на людей еще более отчетливо в его второй научно-фантастической но-велле "Звездолеты" ("Звездные корабли", 1947).⁶⁴ Что касается Казанцева и

Проза Ефремова тех лет позволяет утверждать, что, используя персонажей-исследователей, изображавших признанных и ценимых советским обществом профессоров, они развивали видение мыслей о Вселенной и моделей объяснения мира, весьма далеких от официальной научной политики и идеологических конфликтов советского присутствия.⁶⁵ Не обращая внимания на эти конфликты, тема внеземных визитов на Землю могла продолжать рассматриваться в научно-популярной прессе. В 1950 году научно-популярный журнал "Знание - сила" напечатал очерк "Из глубины Вселенной" Ляпунова, который цитировался во введении к этой статье по основной теме, где подтверждался тезис о Тунгусском метеорите как о космическом корабле.⁶⁶ Через полгода в журнале "Техника - молодежи" был опубликован еще один научно-фантастический рассказ Алексея Казанцева "Гость из космоса", также посвященный этому тезису.⁶⁷ Публикацию сопровождали подробные разъяснения о возможных формах жизни в космосе, каналах Марса и возможных полетах человека в космос.⁶⁸

Таким образом, с помощью "Тунгусского чуда" в течение пяти лет тема межпланетных путешествий и внеземного, похожего на человека разума была обнародована в трех основных научно-популярных журналах. Реакция на эти публикации была значительной и привела к появлению серии дальнейших текстов на тему межпланетных полетов, ракетных технологий и разумной жизни на других планетах.⁶⁹ Один советский критик позже написал, что эти тексты привлекли к себе внимание.

83, 82-83.

64 Повесть выходила частями во второй половине 1947 года в журнале "Знание - сила", а в 1948 году была опубликована *Детгизом* в виде книги. Эта цитата взята из журнальной версии,

---

61 Иван Ефремов, "Обсерватория Нур-и-Дешт. Из цикла рассказов о необыкновенном", *Новый мир* 11-12 (1944), 120-130, 130.

62 Там же.

63 Тот факт, что созвездие лебедя, как известно, в древней мифологии представляет Зевса, который в таком виде соблазняет молодых женщин, еще больше подчеркивает эту "космическую" семантику не совсем обычного любовного приключения в экзотическом месте. Эта "космическая" семантика очень четко формулируется рассказчиком в более поздней версии рассказа: "Кто знает, может быть, влияние радиоактивных веществ на нас станет еще более понятным благодаря дальнейшим успехам исследований. И кто может поручиться, что на нас не воздействует множество других видов лучей - будь то космические лучи или нет". Вот здесь, - я встал и поднял руку к звездному небу, - возможно, находится источник совсем других энергий, которые посылают из черных глубин космоса частицы далеких звездных миров." Иван Ефремов, "Обсерватория Нур-и-Дешт", *Бухта Радужных Строй. Научно-фантастические рассказы* (Москва, 1959), 55-

- см. Иван Ефремов, "Звездные корабли. Научно-фантастическая повесть", *Знание - сила* 7 (1947), 25-30; 8, 4 приложение, 29-36; 9, 30-35; 10, 28-32, 4 обложка.
- 65 Об официальном понятии науки см. Итан Поллок, *Сталин и советские научные войны* (Принс-тон, Оксфорд, 2007).
- 66 Борис Ляпунов, Из глубины веков, *Знание - сила* 10 (1950), 4-7.
- 67 А. Казанцев, Гост из Космоса. Научно-фантастический взгляд, *Техника - молодежь* 3 (1951), 28-34.
- 68 Помимо достижений астронома и президента Академии наук Армении Виктора Амбарцумяна (1908-1996), основавшего в 1946 году астрофизическую обсерваторию в Биуракане и получившего известность в 1947 году благодаря открытию так называемых "звездных ас-социаций," Но прежде всего астроном, один из основателей Казакской академии наук (1946) и популяризатор самостоятельно созданной научной дисциплины "астроботаника" Гавриил Тихов (1875-1960), который, как считалось, продвинул советскую астрономию "невероятно далеко". См. А. Казанцев и др., "Тунгусский метеорит. Есть ли жизнь на других планетах? Планета Марс. Каналы Марса. Планета Венера. Что такое астроботаника? Как можно решить задачу Тунгусского метеорита?", *Техника - молодежи* 3 (1951), 28-34. Гавриил Тихов, *Новейшие исследования по вопросам о раритетах на планете Марс* (Москва, 1948).
- 69 Е. Кринов, "Тунгусское диво", *Знание - сила* 8 (1951), 12-14. Одним из читателей этих статей был молодой польский писатель Станислав Лем, который написал свой первый большой научно-фантастический роман "*Астронавты*" (*Astronauti*, 1951), основанный на тезисе о Тунгусском метеорите как интер...

"внимание миллионов читателей".⁷⁰ Сообщения об инопланетянах не только с интересом воспринимались широким кругом читателей, но и серьезно обсуждались даже среди профессиональных ученых.⁷¹

Коллективное исследование "гостей из космоса" стало настолько популярным среди заинтересованной аудитории, состоящей из обывателей, состоявшихся ученых и членов академии, что Метеоритная комиссия АН СССР сочла себя вынужденной обратиться в Секретариат Ассоциации писателей СССР с просьбой немедленно пресечь популяризацию этой темы, поскольку ассоциация распространяла "фантастические идеи" "под видом научно доказанных предположений". Эта пропаганда "лжи" привела к тому, что "в широких кругах населения распространилось мнение, что предположение Ляпунова является доказанным научным выводом". Встревоженные таким развитием событий, Исполнительный комитет Академии наук и научный отдел Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза осенью 1951 года вмешались и запретили любые публикации на эту тему.⁷²

Если рассматривать эти вымышленные и журналистские тексты о внеземных гостях из космоса и поврежденных космических кораблях в более широком культурно-историческом контексте, то они представляют собой странное явление, похожее на сообщения, которые начали появляться в США в 1947 году о неопознанных летающих объектах, так называемых НЛО, которые якобы прилетели из космоса. Хотя травмирующий опыт войны, страх перед миром, в котором полностью доминируют технологии, и циркулирующие теории антикоммунистического заговора в эпоху маккартизма являются возможными причинами роста этих нарративов в поп-культуре США, аналогичные аргументы можно найти и для Советского Союза в других условиях.⁷³ Тем не менее, отклонение

мотив тиона, который был столь доминирующим в США, не играл никакой роли в период позднего Сталинский период, но в работах Ефремова и Казанцева акцентируется мотив воображаемого побега и параллелизация атомной энергии как демонического транс...

планетарного корабля, который стал первым немецко-польским научно-фантастическим фильмом, вышедшим на экраны в 1960 году под названием "Тихая звезда" (в США он шел в значительно перемонтированной версии под названием "Первый космический корабль на Венере").

70 Так, например, в течение многих лет в Московском планетарии читались лекции о "загадке" Тунгусского метеорита. Э.Брандис, "Пути развития и проблемы", *О фантастике и приключениях* (Ленинград, 1960), 48.

71 [Anon.], "Iz glubiny Vselennoi (Nauka i fantastika)," *Znanie - sila* 8 (1951), 11.

72 Krinov, "Tungusskoe divo," 12-14; РГАЛИ, ф. 631, оп. 3, ед. хр. 210, лл. 339-349.

сцендентальная сила, которая, будучи "космической энергией", мысленно соединяет человека со Вселенной.⁷⁴

С точки зрения культурной политики появление "гостей из космоса" в послевоенный период тем более удивительно, что это время так называемой ждановщины было идеологически крайне репрессивным. Тот факт, что эта тема все же могла быть опубликована до 1951 года, указывает на то, насколько хрупкой была официальная идеологическая позиция не только среди писателей, но особенно среди технической и научной интеллигенции. Когда в период "оттепели" Тунгусский метеорит стал неизменным элементом мировой литературы об НЛО и так называемых феноменах SETI в качестве "неразгаданной тайны",⁷⁵ история его создания в первые послевоенные годы вскоре была полностью забыта.⁷⁶

От Спутника до Сталкера: "философские фантазии" периода оттепели

Запуск первого спутника "Спутник" и советские успехи в пилотируемых космических полетах привели к тому, что идея межпланетного корабля попала на страницы массовой прессы. Поиски внеземного разума занимали чрезвычайно много места в научно-популярных СМИ того времени. Помимо предположений о подлинной истории Тунгусского события, в связи с "гостями из космоса" всплывали и другие темы. Например, поиск внеземного влияния на историю человечества предоставил прекрасную возможность для привлечения широкого спектра религиозных и фольклорных текстов. Вопросы о том, как общаться с такими существами и будут ли они выглядеть

---

73 Брайан Эппльярд, *Пришельцы. Почему они здесь* (Лондон 2007), 13-47; Роджер Лакхерст, "Научно-фантастическое изображение травмы. Замечания по поводу рассказов о похищении инопланетянами", *Science Fiction Studies* 25 (1998), 29-52.

- 74 Рассматривая более широкую рецепцию темы, можно сделать вывод, что этот "космический" подтекст "тунгусского чуда" и космических путешествий сыграл решающую роль не только в произведениях Ефремова и Казанцева, но и других авторов.
- 75 Ф. Цигель, "Неразгаданная ТАЙНА", *Знание - сила* 6 (1959), 40-41.
- 76 Matthias Schwartz, *Die Erfindung des Kosmos. Zur sowjetischen Science Fiction und populärwissenschaftlichen Publizistik vom Sputnikflug bis zum Ende der Tauwetterzeit* (Frankfurt a.M., 2003). , 98-101. Только Владимир Сорокин, написавший в 2002-2005 годах трилогию о Тунгусском феномене, которая, однако, повествует не о внеземных космических кораблях, а о космическом льде, дарующем просветление избранной группе людей, принимает эту связь космической энергии и духовного просветления, впервые задуманную Казанцевым и Ефремовым, в качестве основной идеи своего цикла. Владимир Сорокин, *Трилогия*, (Москва, 2005). Оккультистские интерпретации и теории заговора вокруг "тунгусского феномена" популярны в России и по сей день. Например, Николай Васильев, *Тунгусский метеорит. Космический феномен 1980 г.* (Москва, 2004); Анатолий Максимов, *Никола Tesla и загадка Тунгусского метеорита*, (Москва, 2009). Аббревиатура SETI расшифровывается как "Поиск внеземного разума".

похожие на людей или совершенно другие, горячо обсуждались.⁷⁷ Поразительным в этих дебатах было прежде всего широкое разнообразие ученых всех специальностей, которые высказывались в поддержку возможности внеземного контакта. В 1965 году Армянское отделение Академии наук пошло настолько далеко, что организовало международную конференцию по этому вопросу.⁷⁸

В то время как наука приводила аргументы в пользу возможности противостояния с внеземными формами жизни, возможные сценарии "Первого Контакта" разыгрывались в СФ периода оттепели. Романы и рассказы, в которых затрагивалась эта тема, были самыми популярными произведениями SF того периода. Меньшее количество авторов разрабатывали модели объяснения мира, которые расходились с советской идеологией и варьировались от откровенно религиозных до явно политически мотивированных, диссидентских видений.⁷⁹ Ефремов и Казанцев были двумя наиболее видными представителями оккультного кодирования космических путешествий, Казанцев выступал за торический пересмотр истории Земли и богов как космической истории разумной жизни, в то время как Ефремов склонялся к "космическому целостному" пересмотру советского образа человечества. Вместо общей истории, как Казанцев, он пишет тексты об индивидуальных прозрениях.

Казанцев не только оставался самым ярким представителем тезиса о космическом корабле Тунгусского метеорита, который теперь фигурировал почти во всех его романах,⁸⁰ но и, подобно Эриху фон Дэникену в Западной Европе, в своих текстах пропагандировал возможность того, что человеческие представления о богах на самом деле были рассказами о визитах инопланетян на землю.⁸¹ Из "космо-навтов древности", утверждал⁸² он, можно понять, что человечество произошло от инопланетян.

77 Цигель, "Неразгаданная ТАИНА", 40-41; И.Ю. Ралль, "Разумные обитатели Вселенной", *Наука и жизнь*, 11 (1960), 32-34; А. Гуляев и др. (1960), "Жизнь вокруг Солнца", *Техника - молодежи*, 1 (1960), 36.

78 См. Академия наук Армянской ССР (ред.), *Внеземные цивилизации. Труды совещания. Биуракан, 20-23 мая 1964 г.* (Ереван, 1965).

79 Маттиас Шварц, "Мечта сбылась. Близкие встречи с космосом в советских научно-популярных журналах 1950-х и 60-х годов", In: Eva Maurer, Julia Richers, Monica Ruethers, Carmen Scheide, eds., *Soviet Space Culture - Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies* (Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011).

80 В 1956 году он также переписал роман "Пылающий остров" в этом отношении, так что посадка космического корабля на Тунгусский метеорит стала отправной точкой сюжета. Этот вариант романа был опубликован в пяти изданиях до 1966 года, после чего Казанцев снова переписал роман.

81 Эрих фон Дэникен, *Колесницы богов? Нераскрытые тайны прошлого* (1968) (Нью-Йорк, 1999).

от "солнечной расы разумных существ", разбросанных по всей Вселенной.⁸³ Одним из примеров этого является самый известный советский фильм периода "оттепели", посвященный космическому путешествию, "Планета бурь", снятый Павлом Клушанцевым в 1961 году по одноименному роману Ка- занцева. В фильме показан космический полет на Венеру в недалеком будущем, во время которого советский ученый обсуждает со своим американским коллегой возможности внеземного визита, начиная с мистической Атлантиды, а молодой антрополог продолжает свою аргументацию, заключая: "Миграция жизни так же естественна, как семена, развеваемые ветром на Земле. А в Солнечной системе развиваются ветви единого племени живых существ. Солнечное племя..."⁸⁴

Иван Ефремов, с другой стороны, стал тем, кто помог прорыву советской фантастики в 1957 году своим романом "Туманность Андромеды" ("Туманность Андромеды"), который описывал коммунистическую межпланетную утопию в 34th веке.⁸⁵ Ссылаясь на высшую мудрость Востока и других более древних неевропейских культур, Ефремов в конечном итоге следовал моде, которая распространялась в Европе в результате движений 1960-х годов и оказала влияние на городскую интеллигенцию в Советском Союзе.⁸⁶ Хотя так называемая "философская фантастика",⁸⁷ представленная такими авторами, как Аркадий (1925-1991) и Борис Стругацкие (р. 1933), Михаил Емцов (1930-2003) или Еремей Парнов (1935-2009), с начала брежневского периода воспринималась политической стороной с подозрением и неоднократно ограничивалась запретами и цензурными мерами, она, тем не менее, продолжала публиковаться. Так, например, Емцов и Парнов сначала написали вместе серию рассказов в жанре фантастики, в которых

82 Термин "космонавты древности" был впервые популяризирован Казанцевым в 1961 году, когда он выступил в защиту до тех пор неизвестного молодого автора, прежде чем он стал широко распространенным словом.

- А. Казанцев, "К стати М. Агреста "Космонавты древности", *На суше и на болоте*. Повести, рассказы, очерки, т. 2 (1961), 526-528; М. Агрест, "Космонавты древности", там же, 528-542.
- 83 А. Казанцев, "Планета бур. Научно-фантастическая повесть", *Гости из Космоса. Повести и рассказы* (Москва, 1963), 469-608, здесь 596.
- 84 *Планета бур*", реж. Pavel Klushantsev, Leningradskaj kinostudiia nauchno-populiarnykh fil'mov 1961; Evgenii Kharitonov, "Kosmicheskaia odissea Pavla Klushantseva," *Na ekrane - chudo. Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002). Материалы к популярной энциклопедии*, Харитонов и Андрей Шербак-Жуков (Москва, 2003).
- 85 И. Ефремов, "Туманность Андромеды. Научно-фантастический роман", *Техника - молодежи - жи*, 1 (1957) 26-31; 2, 25-29; 3, 22-27; 4, 22-27; 5, 22-27; 6, 27-32; 7, 28-33; 9, 30-35; 11, 4, 25-29.
- 86 См. интервью автора с Михаилом Емцевым (Москва, 22.05.2003) и Еремеем Парновым (Москва, 18.09.2003). Об оккультном и эзотерическом мистицизме в советской фантастике того времени см. Биргит Менцель, "Русская научная фантастика и фэнтези," *Чтение для развлечения во временной России*, 117-150, здесь 132.
- 87 Термин "филосовская фантастика" был впервые использован в дебатах с 1962 года, Schwartz, *Die Erfindung des Kosmos*, 128-130.

герои отправляются на поиски тайных знаний о духовных прозрениях коренных американцев Латинской Америки, таких как *"Последнее путешествие полковника Фоссета"* (*Poslednoe puteshestvie polkovnika Fosseta*, 1964) или *"Слеза большого водопада"* (*Sleza bolshogo vodopada*, 1969).⁸⁸ После их разрыва в 1970 году Емцов обратился к диссидентской среде и частным христианско-буддийским поискам Бога,⁸⁹ а Парнов стал успешным иностранным корреспондентом во Вьетнаме и Индии для *"Правды"* и *"Литературной газеты"* и превратился в эксперта по всевозможным тайным знаниям, мистике, масонству и альтернативным религиям, о которых он публиковал журналистские статьи, а также художественную литературу.⁹⁰ Однако, несмотря на акцент на борьбе с шарлатанами и суевериями, принесший ему влиятельные посты в Союзе писателей и премию МВД, сами его произведения в определенной степени находятся под влиянием буддийской философии о цикличности мировых процессов и трансцендентном определении судьбы.⁹¹

Также небесные "гости из космоса" оставались центральной средой для религиозных спасительных фантазий, среди которых фильм Андрея Тарковского *"Сталкер"* (1979), снятый по роману Аркадия и Бориса Стругацких *"Пикник на обочине"*.

obochine, 1972), вероятно, является примером, наиболее известным на Западе.⁹² Как и в произведениях Ефремова и Казанцева, предполагаемые тайные реликвии из космоса четко ассоциируются с радиоактивными лучами, которые в произведении Тарковского обладают магической властью над столичными интеллектуалами и обещают исполнение их тайных желаний.

Фильм Тарковского можно рассматривать как симптоматичный поворот в обращении к теме "гостей из космоса", поскольку он знаменует собой выход этой темы из ниши SF и обращение к оккультным темам, особенно со стороны научно-технической интеллигенции, в более широкий мейнстрим "серьезной" высокой культуры. После этого религиозные и оккультные темы все в меньшей степени напрямую ассоциировались с космическим путешествием человека в универсум и скорее снова приняли более старую модель религиозного повествования, в которой духовный опыт, боги и ангелы всегда располагались на небесах.⁹³ Человеческое высокомерие, доминирующее в работах Ефремова и Казанцева и вообще в оккультных подходах, которые утверждают, что благодаря "свету разума" люди сами возвысятся до обладания "божественной" мудростью, снова следует классическим религиозным, в основном христианским православным повествованиям.

88 Но и вещества, приходящие из космоса или производимые в химических лабораториях и способные вызывать галлюцинации, неоднократно давали героям Емцева и Парнова возможность проникнуть в иные состояния бытия. Маттиас Шварц, "Diktatur als Drogenrip. Rauschfantasien in sowjetischer Science Fiction," *Rausch und Diktatur. Inszenierung, Mobilisierung und Kontrolle in totalitären Systemen*, eds. Árpád von Klimó, Malte Rolf (Frankfurt, New York, 2006), 255-280.

89 До 1990 года он опубликовал еще только один роман в SF, *Бог после шести. Притворщики* ("Бог после шести. Лицемеры, 1976), в котором на примере одной секты сформулировал свою истинную веру в Бога против ложных ритуалов и манипуляций. В его наследии есть ряд текстов, в которых он сформулировал свои взгляды на духовность и религию. М. Емцев, *Душа мира. Избранное* (Москва, 2004).

90 Его самая известная трилогия детективной фантастики об инспекторе Люсине посвящена запрету рыцарей-тамплиеров в 14ом веке и тому, как преследуемые монахи оставались тайно активными до наших дней (*Larets Marii Medichi, The wreath of Mary Medici*, 1972); он заново оценил индуистские и алхимические знания средневековья (*Tretii glaz Shivy, The third eye of Shiva*, 1975) и занялся древними экспериментами в поисках таинственного "эликсира бессмертия" *Мальтийский жезл (Mal'tisiskii zhezl*, 1987).

91 Начиная с книги *"На перекрестке вечности"* (*Na prerekrestke beskonechnosti*, 1967) Парнов начал писать просветительские документальные книги с элементами беллетристики на оккультные и религиозные темы. Самым спорным и популярным из них стал его бестселлер *"Трон Люци-фера". Критический взгляд на магию и оккультизм* (*Trop Liutsifera*, 1985), за которым последовала серия книг на схожие темы, такие как *"Правители и маги"* (*Властители и маги*, 2 т., 1996), *"Тайные знаки богов"* (*Tainye*

pis'mena bogov, 2007) или *"Сатанинские сделки. Тайны Второй мировой войны (Sataninskie сделки. Tainy Vtoroi mirovoi voiny*, 2009).

92 Хотя Аркадий и Борис Стругацкие обращались к религиозным темам и апокалиптическим сценариям, начиная с романов "*Трудно быть богом*" и "*Понедельник начинается в субботу*", они всегда оставались в рамках материалистического, гуманистического объяснения мира, тогда как Тарковский в своих фильмах обращался к религиозным системам верований. См. Ивонн Хауэлл, *Апокалиптический ре-ализм. The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky*, (New York, 1994); Daniel Kluger, "Fables of Desire," *Science Fiction Studies* 31 (2004), 415-417.

93 См. Nadya Peterson, *Subversive Imaginations. Фантастическая проза и конец советской литературы, 1970-1990-е годы* (Боулдер, Колорадо, 1997).

Заключение

Если попытаться обобщить оккультные аспекты советской научной фантастики с момента ее появления на пике так называемого Большого террора в разгар сталинской научной интеллигенции, то можно выделить некоторые общие элементы. Прежде всего, все тексты о некоем тайном или, следовательно, неизвестном знании предлагают техническое и научное объяснение, которое служит средством контакта для внеземных опытов. Эти встречи происходят, в основном, в советском настоящем или в ближайшем будущем и, таким образом, доступны и понятны читателю на основе их повседневного опыта. В то же время, эти космические контакты никогда не описываются в литературе как коллективные встречи, а скорее как опыт отдельных людей или небольших групп, которые остаются вне публичной сферы и не институционализируются. Вместо этого они низводятся до уровня единичных, личных переживаний. Эти вымышленные контакты с "тайными" внеземными существами не только предлагали новое понимание природы человечества, но и бросали вызов материалистическим объяснительным моделям человеческой истории и общества. В этом смысле "гости из космоса" не представлены как классический инструмент оправдания, исповеди или проекции, но часто позволяют сформулировать тайные или запретные желания, которые можно интерпретировать как вымышленную реализацию оккультных практик или систем верований.⁹⁴

В контексте периода холодной войны персонифицированные "гости из космоса" были в то же время направлены против популярных мифов Запада: инопланетяне воспринимались как друзья, а не как враждебные захватчики, не как колонизаторы, намеревающиеся остаться на Земле, а скорее как временные визитеры, которые, возможно, оказали положительное влияние на историю человечества и всегда подавали надежду на будущее.⁹⁵ Естественно, аналогичные явления можно наблюдать и по другую сторону "железного занавеса". Волна истерии по поводу НЛО, охватившая Америку в послевоенный период, является одним из ярких примеров. Более того, увлечение космической тематикой в движении хиппи или увлечение космосом афроамериканцев с 1950-х годов представляют собой аналогичные популярные моды.⁹⁶ Однако, в то время как паранаука и "астрофутуризм" были

94 Можно предположить, что эта беллетризация оккультных знаний была, по крайней мере в некоторой степени, результатом целенаправленной культурной политики. Она предлагала альтернативные модели создания смысла, которые удовлетворяли определенные религиозные потребности, следуя при этом линии партии, установленной советским режимом в отношении технических и научных вопросов. В то же время это явление работало явно против русской православной системы верований.

95 Об этом различии см. Менцель, "Русская научная фантастика и фэнтези", 135-136.

26 Маттиас Шварц
96 De Witt Douglas Kilgore, *Astrofuturism. Science, Race, and Visions of Utopia in Space* (Philadelphia PA, 2003); Marina Benjamim, *Rocket Dreams. Как космическая эра сформировала наше видение*

Вытесненные на обочину общественного дискурса на Западе, в Советском Союзе это разделение отсутствовало: наука была легитимирующим принципом общества. Таким образом, оккультные и фантастические тезисы могли быть поддержаны видными представителями центральных институтов общества.

Подводя итог, можно отметить следующее о космической тематике, как она присутствовала в советском СФ с середины 1930-х годов: Проект просвещения, призванный дать людям общее знание и универсальную истину, чтобы избавиться от ложных богов и организовать общество по строго светским критериям, был в корне подорван с установлением диктатуры Сталина. Этот вызов позволил возникнуть оккультным представлениям о естественных науках, которые были нацелены на качественный, диалектический скачок знаний. Тексты СФ предлагали вымышленные условия, которые в конечном итоге должны были изменить наше прежнее мировоззрение. Еще в довоенную эпоху СФ проводили "запретные" связи между секретными научными и техническими инновациями, космическими явлениями и возможными контактами с внеземными существами. В послевоенный период "гости из космоса" стали центральной темой научно-популярной и "научно-фантастической" литературы, которую, как я утверждал в этой статье, можно охарактеризовать как специфически советский оккультный дискурс.

Рассматривая долгосрочные культурно-исторические последствия советского СФ для постсоветского оккультного возрождения, необходимо принять во внимание следующие два аспекта. С одной стороны, поскольку в период гласности печатные СМИ и телевидение стали освещать темы, которые долгое время подвергались жесткой цензуре, общественность, прежде всего, была очарована историями о парапсихологии и Нью-Эйдж. Этот медийный успех оккультных и новорелигиозных движений в постсоветской России можно лишь частично объяснить как простую адаптацию западной развлекательной культуры и тенденций времени.⁹⁷ В большей степени эти движения могут быть связаны с глубоко укоренившимся оккультным интересом, а именно с десятилетиями занятий этой темой в советских научно-фантастических текстах и научно-популярных журналах.⁹⁸

С другой стороны, преемственность религиозных и оккультных дискурсов, безусловно, оказала важное влияние и на постсоветскую фантастическую литературу, которая и сегодня, наряду с криминальной фантастикой, является самым популярным жанром "легкой" фантастики.⁹⁹

26 Маттиас Шварц

97 См. Биргит Менцель, "Оккультное возрождение в современной России и его влияние на литературу", *The Harriman Review* 16 (2007), 1-14.

98 Который снова взял свои истоки в Серебряном веке России конца века, см. Rosenthal, "Intro-duction," In: *The Occult in Russian and Soviet Culture*. 1-32.

99 Менцель, "Российская научно-фантастическая и фэнтезийная литература", 118.

На вопрос, почему этот тип литературы пользуется таким успехом, можно ответить, что, возможно, функция фантастических устройств в наши дни значительно изменилась. Если советскую "научную фантастику" можно отчасти интерпретировать как движение, стремящееся продвигать запрещенные религиозные или оккультные идеи и направленное против официальной идеологии атеистического общества, то в постсоветской фантастике эти альтернативные миры уже не претендуют на авторитет науки, а развиваются в другом направлении: Постсоветская фантастика претендует на многогранный авторитет духовных и фольклорно-интерпретационных моделей, чтобы литературными средствами справиться с идиосинক্রазией путинской и медведевской России в глобализованном мире. Фантастическое описание и оккультное объяснение советского прошлого и российского настоящего, доминирующее во многих текстах так называемых "альтернативных историй" или "криптоисторий", продолжает объяснительные модели, разработанные в советском СФ. В то же время ¹⁰⁰эти истории представляют собой привлекательную альтернативу новым политическим идеологиям, а также русскому православию, предлагая целую коллекцию вземных и мифических существ и явлений на все случаи жизни. Таким образом, они предлагают воображаемые миры, которые поощряют все виды эзотерического мышления, теорий заговора или паранаучных знаний, но в своей игривой гибридной сборке этих дискурсов, подобно "коммунистическим пинкертонам" 1920-х годов, одновременно вульгаризируют и развенчивают их. Таким образом, постсоветское фэнтези часто представляет собой контрдискурс по отношению к фактическому оккультному возрождению в России, а не усиливает его.

---

100 Виталий Каплан, "Взгляд за стену. Топография современной российской научной фантастики", *Российский обзор социальных наук* 2 (2003), 82-104; Елена Ковтун и др., ред. *Материалы Международной научной конференции 21-23 марта 2006 года* (Москва,

2007); Matthias Schwartz, "Postimperiale Erinnerungsbilder. Zum Umgang mit der Geschichte in der russischen Populärkultur," In: *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland*, eds. Lars Karl, Igor J. Polianski (Göttingen, 2009), 215- 234.